

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

БЕЗОБРАЗНЫЙ УТЁНОК

Ганс Христиан Андерсен Безобразный утёнок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24922126

Аннотация

«Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже зажелтелась, овсы зеленели, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски, – он выучился этому языку от матери. За полями и лугами шли большие леса с глубокими озёрами в чаще. Да, хорошо было за городом! Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от самого строения вплоть до воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребяташки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост...»

Ганс Христиан Андерсен

Безобразный утёнок

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже зажелтелась, овсы зеленели, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски, – он выучился этому языку от матери. За полями и лугами шли большие леса с глубокими озёрами в чаще. Да, хорошо было за городом! Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от самого строения вплоть до воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В самой чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей порядком надоело это сиденье, – её мало навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе, да крякать с нею.

Наконец, яичные скорлупки затрещали. – Пи! пи! – слышалось из них, – яичные желтки ожили и повысунули из скорлупок носики.

– Живо! живо! – закричала утка, и утята заторопились, кое-как выкарабкались и начали озираться кругом, разглядывая зелёные листья лопуха; мать не мешала им, – зелёный свет полезен для глаз.

– Как мир велик! – сказали утята; ещё бы! теперь у них

было куда больше места, чем тогда, когда они лежали в яйцах.

– А вы думаете, что тут и весь мир! – сказала мать. – Нет! Он идёт далеко-далеко, туда, за сад, в поле священника, но там я отроду не бывала!.. Ну, все что ли вы тут? – И она встала. – Ах, нет, не все! Самое большое яйцо целёхонько! Да скоро ли этому будет конец! Право, мне уж надоело.

И она уселась опять.

– Ну, как дела? – заглянула к ней старая утка.

– Да вот, ещё одно яйцо остаётся! – сказала молодая утка. – Сижу, сижу, а всё толку нет! Но посмотри-ка на других! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца! А он-то, негодный, и не навестил меня ни разу!

– Постой-ка, я взгляну на яйцо! – сказала старая утка. – Может статься, это индюшечье яйцо! Меня тоже надули раз! Ну и маялась же я, как вывела индюшат! Они, ведь, страсть боятся воды; уж я и крякала, и звала, и толкала их в воду – не идут, да и конец! Дай мне взглянуть на яйцо! Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его, да ступай, учи других плавать!

– Посижу уж ещё! – сказала молодая утка. – Сидела столько, что можно посидеть и ещё немножко.

– Как угодно! – сказала старая утка и ушла.

Наконец, затрещала скорлупка и самого большого яйца. – Пи! Пи! – и оттуда вывалился огромный, некрасивый птенец. Утка оглядела его. – Ужасно велик! – сказала она. – И совсем не похож на остальных! Неужели это индюшонок? Ну, да в

воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зелёный лопух весь был залит солнцем. Утка со всею своею семьёй отправилась к канаве. Бултых! – и утка очутилась в воде.

– За мной! Живо! – позвала она утят, и те один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головками, но затем они вынырнули и поплыли так, что любо. Лапки у них так и работали; некрасивый серый утёнок не отставал от других.

– Какой же это индюшонок? – сказала утка. – Ишь, как славно гребёт лапками, как прямо держится! Нет, это мой собственный сын! Да он вовсе и недурён, как посмотришь на него хорошенько! Ну, живо, живо, за мной! Я сейчас введу вас в общество, – мы отправимся на птичий двор. Но держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! что тут был за шум и гам! Две семьи дрались из-за одной угриной головки, и в конце концов она досталась кошке.

– Вот, как идут дела на белом свете! – сказала утка и облизнула язычком клюв, – ей тоже хотелось отведать угриной головки. – Ну, ну, шевелите лапками! – сказала она утятам. – Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех! Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у неё на лапке красный лоскуток? Как кра-

сиво! Это знак высшего отличия, какого только может удостоиться утка. Люди дают этим понять, что не желают потерять её; по этому лоскутку её узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утёнок должен держать лапки врозь и выворачивать их наружу, как папаша с мамашей! Вот так! Кланяйтесь теперь и крикайте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.